

Министерство культуры Челябинской области

Государственный исторический музей Южного Урала

РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ...

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

Челябинск
2018

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «Расстрел Царской Семьи как преступление...»

Место проведения круглого стола — г. Челябинск, ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», ул. Труда, д. 100

Дата проведения круглого стола — 17 сентября 2018 г.

Вопросы, рассматриваемые на круглом столе:

1. Исторические интерпретации событий июля 1918 года.
2. Этико-религиозные аспекты казни Царской Семьи.
3. Образ Николая II в современном медиапространстве.

Модераторы вопросов круглого стола:

1. Исторические интерпретации событий июля 1918 года.
Уваров Павел Борисович, д. и. н., профессор ЮУрГГПУ
2. Этико-религиозные аспекты казни Царской Семьи.
Протоиерей Игорь Шестаков, настоятель Свято-Троицкого храма, секретарь Челябинской епархии
Мудряков Ярослав Дмитриевич, председатель философского клуба ЧГИК
3. Образ Николая II в современном медиапространстве.
Прилукова Екатерина Григорьевна, д. ф. н., профессор ЮУрГУ
Путник Константин Владимирович, руководитель миссионерского отдела Челябинской епархии

Участники дискуссии:

Богдановский Владимир Иванович, директор Государственного исторического музея Южного Урала

Кашин Константин Сергеевич, аспирант, преподаватель ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского

Корецкий Александр, магистрант ЮУрГГПУ

Кузнецов Денис Павлович, научный сотрудник Государственного исторического музея Южного Урала

Кулаков Алексей, студент ЮУрГУ

Лаптев Андрей, студент ЧелГУ

Лымарев Александр Николаевич, к. и. н., заведующий историческим отделом Государственного исторического музея Южного Урала

Сафаров Марат, участник философского клуба ЧГИК

Сибиряков Игорь Вячеславович, д. и. н., декан исторического факультета ЮУрГУ

Шумская Екатерина Михайловна, к. и. н., главный специалист по научно-исследовательской работе Государственного исторического музея Южного Урала

Выступления

Е. М. Шумская:

– Здравствуйте, дорогие участники круглого стола. В Государственном историческом музее Южного Урала с июля 2018 года работает выставка «Романовы: 23 ступени в бессмертие... (К 100-летию трагической гибели Царской Семьи)». Ее автор, заведующий историческим отделом музея, Александр Николаевич Лымарев провел для вас экскурсию. Мы познакомились с деталями биографии, правления Николая II, судьбой его семьи после 1917 года, увидели десятки фотографий, как широко известных, так и редких. Материалы выставки приглашают нас к размышлению над ключевыми моментами в истории нашей страны в XX веке — революционными потрясениями 1917 года и Гражданской войной, трагизм которых сконцентрирован в июльских событиях 1918 года. Наш круглый стол под названием «Расстрел Царской Семьи как преступление...» начинает свою работу, и я передаю приветственное слово директору Государственного исторического музея Южного Урала Владимиру Ивановичу Богдановскому.

В. И. Богдановский:

– Уважаемые коллеги, я приветствую Вас на заседании круглого стола. У нас в музее события происходят с калейдоскопической быстротой. Только что мы открыли выставку наивного искусства. Казалось бы, очень простая тема. Но она отражает определенный взгляд на исторический процесс, и, думаю, вызовет широкий резонанс. Обсуждение научной общественностью проблем, поднятых на выставках музея, — это интересное и важное явление, которое я приветствую и поддерживаю. С одной стороны, музей пополняет свои коллекции, хранит и изучает их, с другой стороны, он их демонстрирует, посвящает свои проекты ключевым моментам нашей истории, дискуссионным, спорным, требующим осмысления и обсуждения. Революция, Гражданская война, расстрел Царской семьи относятся как раз к таким эпохальным событиям, которые музей не мог не отразить в своей научно-экспозиционной работе, тем более в 2018 году. Отрадно, что выставка «Романовы: 23 ступени в бессмертие...» нашла такой отклик у наших ученых, у молодежи. Несмотря на 100-летнюю давность, эти события до сих пор актуальны и остры; и я думаю, что наш круглый стол внесет свою лепту в их осмысление. По итогам работы круглого стола будет издана стенограмма, материал также разместим на нашем сайте. Спасибо Вам за то, что вы пришли, желаю плодотворной и интересной работы.

Е. М. Шумская:

– Приступаем к обсуждению первого вопроса: исторические интерпретации событий июля 1918 года. Вступительное слово предоставляется доктору исторических наук Павлу Борисовичу Уварову.

П. Б. Уваров:

– Добрый день, сегодня действительно очень серьёзный повод для разговора, тема глубокая, не случайная и не закрытая до сих пор. Поэтому я жду заинтересованных выступлений и дискуссий. Заявленный вопрос исторических интерпретаций событий июля 1918 года отчасти уже был раскрыт в рамках нашей интереснейшей экскурсии по выставке, профессионально проведенной заведующим отделом истории музея А. Н. Лымаевым. Вопрос противостояния белых и красных, мне кажется, исчерпал себя полностью. Больше идет речь о серьезнейшей экзистенциальной трагедии. В гражданских войнах и революциях нет ни правых, ни виноватых. То же относится и к Царской семье: речь не об их вине или, наоборот, праведности, они просто были никому не нужны, ни белым, ни красным, в силу того, что к этому времени в

России начало меняться традиционное мировоззрение. Современный человек в основу своей жизни кладет реализацию собственной эгоцентрической программы действий, и в этом плане разницы в мировоззрении у представителей пролетариата и буржуазии не было никакой. Цель и смысл существования у них был одинаковый, разница была лишь в деталях, в уровне социального успеха и т. д. А семья последнего императора жила еще в другом времени, традиционном, Александр III и Николай II были по-хорошему традиционно настроены, воспитаны, но вокруг них происходили совершенно другие вещи. Еще раз подчеркну, в данных событиях участвовали люди абсолютно разного мировоззрения, которые были заранее готовы никого не щадить. И еще раз подчеркну, на мой взгляд, когда мы сейчас перейдем к интерпретации событий, семья Николая II как атрибут сохраняющейся еще Российской монархии была не нужна. Пожалуйста, кто может дать свою версию этих событий.

А. Корецкий:

– По моему мнению, в основе событий июля 1918 года, а также и всего того, что предшествовало этому событию, лежат духовно-нравственные причины, изменения в политической культуре и мировоззрении. Хотелось бы привести пример современного исследователя Феликса Разумовского, который считает, что в то время менялся мир и Царская Россия оказалась никому не нужна, и, в частности, политической элите, приближенной к трону. Русская государственность Дома Романовых постепенно разрушалась, и к 1918 году Россия утратила фундамент, на котором возводилось здание её государственности. Николай II оказался фигурой инородной, он подписывался в документах «Хозяин земли Русской», а общество, в том числе и элита, уже не готова была принимать его таковым. Этот конфликт и породил события, которые привели к Февральской революции и к тем трагическим последствиям, которые после нее произошли. Спасибо.

П. Б. Уваров:

– Спасибо, Александр! Пожалуйста, есть ли желающие что-то добавить к сказанному или повести разговор в русле других акцентов.

А. Н. Лымарев:

– По поводу ненужности Царской семьи: документы, которые мы изучали, работая над выставкой, достаточно страшные. В Екатеринбурге летом 1918 года в эвакуации находилась академия Генерального штаба, то есть элита, те самые офицеры, которые клялись на вер-

ность Царю. По воспоминаниям одного из них, возникла мысль об освобождении Царской семьи, и из 300 человек подобную идею подержали не более 12 — вот насколько низок был авторитет Николая II даже среди офицеров. И это очень серьезный показатель. Теперь что касается красных и белых. Я бы хотел спровоцировать публику, предложив определенную закономерность революции. Посмотрите, большинство из них заканчивалось казнью представителя правящей династии. Когда на выставку приходят школьники, у них любимый вопрос: «А почему его казнили?» И вот тогда приходится вспоминать мировую историю. Английская революция — казнь правителя, Французская революция — казнь правителя. Закономерный результат революции — это гибель правящей династии. Может, кто-то мне возразит?

Протоиерей Игорь Шестаков:

– Я бы хотел сказать, что казнь Царя в ходе революции скорее исключение, чем правило. Вспомним, что вместе с Россией в ходе событий, завершающих Первую мировую войну, сокрушительно рухнули несколько империй. Первая — Австро-Венгерская империя, но император умер своей смертью и не был даже осужден за военные преступления. Вторая — Германская империя. Во время Парижской конференции обсуждался вопрос о суде над Кайзером Вильгельмом, кстати, замечу, что Вильгельм II — двоюродный брат Николая II. Вильгельм был жив и здравствовал, после того как в Германии совершилась революция в 1918 году и была установлена Веймарская республика. Позднее Ллойд Джордж в своих мемуарах пишет, что уже во время Версальской конференции, а это продолжение Парижской конференции, было принято решение суда над Кайзером не производить. Кайзер остался жить, и жил благополучно. Третья империя — Османская. Султан Османской империи Абдул-Хамид II, которого называли Абдулом Кровавым, как никто другой заслуживал суда, не был казнен ни младотурками, которые совершили революцию в 1908 году, ограничив власть султана, ни революционерами в 1918 году во время оккупации части турецкой территории и Стамбула, никто не помышлял убить султана.

Обратите внимание, вот судьба монархов Европы и Османской империи, они все участники Первой мировой войны. Казни монархов также были: Карла I во время Английской революции, Людовика XVI во время Французской революции, расстрел Максимилиана I Габсбурга в Мексике в 1861 году. Но думаю, не так много можно найти подобных исторических примеров в Новое и Новейшее время, не затрагивая Средние века и Древнее время, когда совершенно иные были отношения и мировоззрение. Но вот что касается Нового и Новейшего

времени, то расстреляна была вся семья Романовых. Обратите внимание, Карл I в 1642 году был казнен один, Людовик был казнен один, Мария-Антуанетта была казнена одна, члены их семей не пострадали. А здесь расправа была именно над всей семьей. Минувя всякие конспирологические версии, мы можем сказать только об одном. Сбылась мечта пламенного революционера, декабриста Петра Каховского — когда его спросили, кого из Царской семьи следует убить, он сказал «всю великую ектению», т. е. всех тех, кого мы поминаем в Церкви за Богослужением, всю Царскую семью. Это было еще сказано в начале XIX века, за сто лет до убийства Царской семьи. И это было не правило, а скорее исключение из правил. Спасибо!

К. С. Кашин:

– Хочу обратить Ваше внимание, что большевики перекладывали опыт Французской революции на российские реалии. А расстрел Царской семьи — это в данном случае такая ситуация, когда события пошли не по плану. Если рассуждать логически, то Ленину и партии большевиков убийство всей Царской семьи было не выгодно. Необходимо было провести суд и на суде по результатам революционного трибунала уже вынести приговор конкретно Царю. Но нужно принимать во внимание контекст ситуации в Екатеринбурге. Санкт-Петербургский историк Егор Яковлев провел достаточно неплохой экскурс в эту проблему, где ясно видно, что в Екатеринбурге стояли очереди с целью того, чтобы растерзать самого Царя, но большевики его охраняли. Только летом 1918 года наступали белые, и местным властям не оставалось ничего другого, кроме как совершить подобную расправу. Само собой, правительство большевиков после этого одобрило расстрел, но я думаю, В. И. Ленин пожалел, что вся семья была расстреляна. Спасибо!

А. Лантес:

– События июля 1918 года и вся Гражданская война — страшная трагедия в истории нашей страны. Гражданская война — это когда брат восстает против брата, отец против сына; это урок, который нам должен подсказывать, что нельзя быть безразличными. Ведь безразличие в моменты, когда сначала очень долго плохо, а потом это плохо уже затягивается настолько, что становится все равно, — эта ситуация потом и приводит к попустительству страшных преступлений. Поэтому вот это безразличие надо помнить и стараться до него не доходить, чтоб потом не было так мучительно больно всей стране.

И. В. Сибиряков:

– Коллеги, я бы хотел поделиться несколькими соображениями, которые не претендуют на стройную конструкцию, скорее, это эмоциональная реакция на события июля 1918 года и их сегодняшнее обсуждение.

Во-первых, я бы хотел обратить внимание на то, что в современной исторической науке происходят чудесные вещи, она все время куда-то поворачивает. У нас был лингвистический поворот, у нас был социальный поворот, сейчас у нас эпоха визуального поворота. В связи с этим отношение профессиональных историков к визуальным источникам носит почти сакральный характер. На экране в нашем зале происходит потрясающая вещь, благодаря фотографиям формируется визуальный образ семьи Романовых, который очень далек от того традиционного образа, который можно встретить на страницах учебников истории — как школьных, так и вузовских. Те, кто создавал этот визуальный ряд, в моем представлении, просто гении. Они сделали очень важную работу: они убрали политическую составляющую из этого образа, оставив образ людей. Посмотрите, какие они красивые, особенно детские фотографии, это просто потрясающие фотографии, позволяющие увидеть действительно очень красивых детей, это добрые дети, это дети, не совершившие греха. На их совести нет никаких преступлений. И это важный момент в нашем правильном понимании трагедии, которая произошла в 1918 году. Несчастье — родиться в Царской семье — это не их выбор. Такова судьба, так сложилось.

Во-вторых, из визуального ряда, представленного на выставке, видно, что отношение к семье Романовых в России было неоднозначным. В русском языке есть замечательная фраза: «От любви до ненависти — один шаг». В 1913 году значительная часть населения Российской империи продемонстрировала свою любовь к императору. Юбилей Романовского дома отмечался как на формально государственном уровне, чему есть много подтверждений, так и на уровне более интимном, семейном, личностном. Я не хочу сказать, что Романовых все любили. Конечно же, к Романовым испытывали сложные чувства, были те, кто их лично ненавидел. Я думаю, что Володя Ульянов о смерти своего старшего брата не забывал никогда, и мотив мести в его действиях присутствовал осознанно. Но значительная часть населения страны в 1913 году воспринимала Романовых в положительном ключе, потому что, несмотря на провал русско-японской войны, несмотря на кошмар на Ходынке, несмотря на ужас Первой русской революции, наступила стадия экономического подъема, роста, укрепления благосостояния. Вот это — особенность монарха: он воплощает в себе государственное

начало. И если государство справляется со своими функциями, то это образ положительный; если же государство с этими функциями перестает справляться, то такой образ разрушается очень быстро. А когда возникают ситуации с Распутиным, тогда начинается настоящая информационная война, в этой ситуации шансов на успех у того же Николая Романова было немного.

Трансформация от любви до ненависти произошла очень быстро; скорость, с которой она произошла, каждому из присутствующих, мне кажется, должна подсказать очень простую и одновременно очень важную мысль. Надо быть очень осторожными, и степень осторожности должна быть в геометрической прогрессии. Когда вы дворник, убирающий территорию детского садика, вы должны проявлять осторожность; когда вы политик, возглавляющий фракцию Государственной думы, вы тоже должны проявлять осторожность. Но когда вы — монарх, когда вы — воплощение государства, когда вы — носитель государственного начала, ваша осторожность должна быть совершенно другого уровня. Николай II допустил много ошибок, где-то вынужденно, где-то непроизвольно. Но я думаю, что никто не может поставить под сомнение его любовь к Родине. Он очень любил Россию, так, как он себе представлял эту любовь. Но если все это свести воедино, мне кажется, что колоссальная трагедия — казнь самого Государя, но и еще более серьезная трагедия — это гибель его близких. Спасибо.

М. Сафаров:

– Хочу сказать о таком явлении, как переход от аграрного типа государства к индустриальному — это смена идеалов, принципов предыдущего строя. В результате процесса модернизации Царская семья оказалась никому не нужна. Можно ли было перейти от традиции к модерну так, чтобы не было такого резкого обрыва, чтобы не было утраты того положительного, которое все-таки было у династии Романовых, это открытый вопрос. Спасибо.

П. Б. Уваров:

– Спасибо, Марат, фактически он закончил свое выступление вопросом. Если есть желающие на этот вопрос ответить, можно это сделать, а пока вы размышляете, я хотел бы поделиться с вами своими мыслями по затронутым темам. Отец Игорь очень резонно нам сказал, что можно найти очень много примеров бескровного исчезновения монархии. Единственное, на что я бы обратил наше с вами внимание: революция есть революция. Вспомним, что Английская революция открывает эпоху Нового времени, совершенно по-другому устроено-

го исторического пространства, контрастного с ведущим опытом Западной Европы. Французская революция фактически завершает это движение. В отличие от Английской революции, она несет еще один новый принципиальный уклон. Французская революция принципиально атакует Церковь и религию, притом маниакально. Для этого не было никакой формальной необходимости. Русская революция — третье огромное межконтинентальное событие. И каждый раз у этих трех колоссальных революций мы видим сходные стилистические моменты, и в том числе трагедии, которые случились с правящими семьями.

Считается, что революция как взрыв негодования происходит, когда становится слишком тяжело. Если сбросить инерцию этого восприятия, то революция происходит тогда, когда становится легче. Василий Васильевич Розанов в свое время писал, что революция делается, когда народ входит в облегчение, а не наоборот. Посмотрите, Английская революция: Карл I не особенно был жестоким правителем, безусловно, как и Людовик XVI, но и Николай II также — они все, собственно, были достаточно спокойные и даже в бытовом плане довольно симпатичные люди. Такие люди не должны вызывать вот таких реакций со стороны общества. Но мы видим взрыв необыкновенной силы во всех случаях, я имею в виду Английскую, Французскую и Русскую революции. Что там происходило, посмотрите: в Англии рождается новое общество; что касается Франции, то французское общество тоже очень быстро менялось в XVIII веке, как и развитие Николаевской России в начале XX века. На самом деле, не так плохо было в экономике России в начале XX века, и в развитии системы образования и т. д. Наоборот, становилось гораздо лучше. И посмотрите, к какому невероятному взрыву пришли в стране, где стало легче жить, и хотелось большего — вот этот символ Царя стереть, для того, чтобы открыть дорогу в светлое будущее. В эти моменты истории часто и происходят такого рода политические преступления.

Если у кого есть желание еще высказаться по вопросу — пожалуйста. Нет желающих? Участвующим в обсуждении большое спасибо!

Е. М. Шумская:

– Сейчас мы переходим ко второму вопросу: этико-религиозные аспекты казни Царской Семьи. Приглашаем ведущих этого вопроса: протоиерея Игоря Шестакова — настоятеля Свято-Троицкого храма, секретаря Челябинской епархии и Ярослава Дмитриевича Мудрякова — председателя философского клуба Челябинского государственного института культуры.

Протоиерей Игорь Шестаков:

– Я бы хотел начать с общего суждения, что такое цареубийство. Цареубийство — это не просто криминальное событие, это сакральный акт, вне зависимости от исторического контекста. Любая расправа над монархом — это прежде всего посягательство на христианский закон. Фигура монарха — это фигура сакральная. Чего только стоит одна вера в то, что тень французского короля может исцелять от недуга; а мы сегодня будем говорить о монархиях европейских. Та кровь, которая была в Романовых, кровь, пролитая в Ипатьевском доме, — это была кровь нескольких королевских домов Европы. Говорить о том, что приговор был вынесен русской династии, правомочно с точки зрения того, что Николай II был легитимным правителем Российской империи, но это еще был удар, нанесенный по всем европейским монархическим домам.

Спросите любого, кто сверг царя? Скажут вам — большевики, конечно! Хотя большевики к свержению монархии отношения не имели никакого. Это произошло в Февральскую революцию. В злодеянии июля 1918 года был один нюанс: население уже не империи и еще не федерации, население России, охваченное хаосом и стихией Гражданской войны, говорило, что расстрелян гражданин Романов. Все апелляции были к тому, что государь отрекся от престола 2 марта 1917 года, и с этого момента он перестал быть легитимным правителем Русской земли, он становился просто гражданином. Кому было выгодно убийство гражданина Романова и членов его семьи? Как выясняется — никому, кроме определенной группы людей, которая в этой казни видела некий сакральный смысл. Необходимо было уничтожить опору, показать, что Божественный закон, относящийся к Божьему помазаннику, легко попирается человеческим правом сильного. Вспомните Средневековье: «чья власть — того и вера».

Дом Ипатьева стоял на том месте, которое впоследствии назовут «улицей казни Николая Кровавого». В Екатеринбурге была площадь Народной мести, то есть казнь императора и его семьи укладывались в понятие воздаяния, народной мести, тем самым отсылая нас к временам не Европы Новейшего или Нового времени, а к временам Ветхого Завета, где говорилось о том, что рабы могли зарезать царя только потому, что царь перестал соответствовать устремлениям народа, потерял мессианский вектор своего правления. Неудачи Российской империи на внешнеполитическом поприще, поражение в Русско-японской войне — всю вину возлагали на государя. Однако в 1905 году вопрос о цареубийстве не стоял. Замечу, что один из представителей династии Романовых пал жертвой революционного террора. Царь Александр II

убит народовольцами. Заметьте, они обставили свое убийство именно как народную казнь. Они вынесли ему приговор и привели этот приговор в исполнение. Таким образом, прецедент террористической атаки на монарха уже был. Общественное сознание было готово к тому, что фигура императора потеряла свою сакральность, в таком случае убийство его выглядело как народная расправа, стихийная месть восставшего народа.

Если мы говорим о каком-то аспекте религиозном и вероучительном, я хочу вас призвать как историк быть очень осторожными с конспирологической теорией. Действительно, Шая Голощекин и Яков Юровский были не русскими людьми, но Медведев и Никулин были русские, и они были в расстрельной команде в доме Романовых. Латыши из охраны никакого отношения к иудейскому вероисповеданию не имели, хотя, впрочем, не являлись и православными. Там был интернационал, и этот интернационал оказался там по стечению самых различных обстоятельств.

Самое главное, на чем бы мне хотелось еще раз сделать акцент, — это на том, что прекрасно понимая, что такое расстрел Царской семьи, его обставляли таким образом, чтобы он выглядел как расстрел неких граждан. Не было ни суда над императорской фамилией, ни следствия. Во многом большевики совершили это злодеяние. Казнь любого человека, не обязательно Царя, — это злодеяние, мы понимаем, особенно казнь, которая совершилась незаконно. Большевики знали, что фактически государь был предан. Он был предан своим окружением. Никто не принял попыток для освобождения Царя. Поэтому религиозно-этическое значение события, произошедшего в доме Ипатьевых, — это катастрофический слом сознания, который впоследствии привел к тому, что мы до сих пор пытаемся осмыслить: что случилось с народом, который вдруг вышел ломать храмы; который вышел убивать духовенство; который совершенно спокойно принес в жертву очень многое из своей культуры, истории, культуры не только высокой, но даже бытовой.

Достаточно почитать рассказы М. М. Зощенко, для того чтобы понять страшный переворот в сознании, который происходил после Октября 1917 года, после Гражданской войны, который, по сути дела, привел к национальной катастрофе православный русский народ. Антон Иванович Деникин говорил, что с той самой проклятой присяги Временному правительству, с приказа № 1, началось предательство Царской семьи. Именно тогда, когда армия и флот начали присягать Временному правительству и Церковь приводила к присяге и офицеров, и солдат — вот это, конечно, была катастрофа. Еще вчера за Веру,

Царя и Отечество, а сегодня — за непонятный комитет во главе с присяжным поверенным, еще и никакого отношения к военному делу не имеющего, я имею в виду господина Керенского. Поэтому вот здесь для нас эта проблема предельного обмирщения сознания, эта проблема крушения традиционного мировосприятия, связанного со схемой «Царь — Вера — Отечество». И это, конечно же, посягательства на Божий Закон, который достаточно недвусмысленно и ясно устами царя Давида говорит, что «Всяк тот, кто поднимает руку на Помазанника Божьего, будет проклят, и кровь Помазанника Божьего не простится ему вовек». Спасибо.

Я. М. Мудряков

– Мне очень понравилась мысль по поводу слома сознания, именно поэтому я бы хотел поднять вопрос этического характера. Очевидно, что это преступление, что это было противоправное действие. Я бы хотел отметить влияние событий столетней давности на нас сегодняшних. Очень важно преодолеть противоречия, конфликты и раскол в обществе. Дело не в том, что была убита Царская семья, вопрос в другом: как стало возможным это сделать? Дело в самом факте жестокого убийства, ставшего допустимым. Это открыло дорогу будущим массовым казням. Стало нормой переступать через допустимую черту и совершать убийство по любой причине без суда и следствия. Поэтому здесь важны следующие вопросы: есть ли ответственность за подобные преступления; есть ли ответственность вообще за преступления в революционное время? Во время потрясений, сложных периодов для социального диалога, важно учесть, кто должен отвечать за такие преступления. Сейчас, не смотря на то, что революции нет, мы живем в эпоху сложного социального диалога. Поэтому поставленная проблема актуальна и сейчас. Спасибо.

Протоиерей Игорь Шестаков:

– Данное выступление немного провокационно: следует ли судить большевизм. Напомню, что красный террор был введен через два месяца после расстрела Царской семьи, в сентябре 1918 года. Следует ли осудить большевизм за это, и если осудить, то как? Пожалуйста.

А. Кулаков:

– К вопросу, стоит ли осуждать большевизм, я хочу подойти немного издалека. Была ли, кроме красных и белых, еще третья сила, непосредственно в самом обществе? Еще во времена Александра II разрабатывался проект постепенного перехода к конституционной монархии

министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым, чему не суждено было сбыться из-за известных событий 1 марта 1881 года. К этой идее вернулись 17 октября 1905 года. По моему мнению, были предпосылки к тому, что общество постепенно становилось политически зрелым, но для этого не хватило времени. На мой взгляд, правитель, особенно сейчас, должен представлять собой менеджера, который может быть переизбран. Возвращаясь к нашему вопросу, конечно же, расстрел Царской семьи — это преступление, прежде всего по уголовному кодексу, однако те предпосылки складывания конституционной монархии и политически сознательного общества, которые появлялись в России в конце XIX — начале XX веков, могли поспособствовать тому, чтобы избежать этого преступления и дальнейших кровавых событий. Однако ни императорами, ни Государственной думой, ни Временным правительством не было предпринято никаких решительных действий по этому поводу. В этот период времени не сложилось конкретной идеи, конкретной стратегии у народа, соответственно, умы людей заняли большевики, выдвинув достаточно простые и понятные лозунги: у богатых все отнять и раздать бедным. Это перекликается и с современной ситуацией. Сейчас, чтобы не повторялись подобные события, я считаю, прежде всего, необходимо договариваться внутри общества. Самоорганизация — это тот урок, который мы должны усвоить. Спасибо.

Протоиерей Игорь Шестаков:

– Хочу заметить, что коммунистический режим Мао Цзэдуна не решился расстрелять последнего маньчжурского императора. Вот вам непросвещенная Азия. И вот просвещенная Европа. Поэтому представьте себе, насколько актуальна наша тема. То есть кажется, где 1918-й год и где 2018-й год. На самом деле все очень рядом.

А. Корецкий:

– Касательно Вашего вопроса, можно ли осудить большевизм или нет. Думаю, что нельзя его осудить однозначно, поскольку большевизм есть закономерный результат той трансформации общества, которая началась еще задолго до революции. Можно сказать, что народ, государство, общество в целом проложили путь большевикам к власти. Нужно осуждать не столько большевизм, сколько само поведение общества, которое уж очень разнилось с теми традиционными ценностями, на которых возводилось здание государственности; а, как известно, любое общество разрушается тогда, когда перестает соответствовать тем принципам, на которых оно устраивалось. Хотелось

бы сказать несколько слов о Синодальном периоде. С одной стороны, мы видим расцвет духовной мысли. С другой стороны, в Синодальный период государство стало во главе Церкви, которая стала одним из государственных элементов. Это сказалось на авторитете Церкви. Спасибо.

Протоиерей Игорь Шестаков:

– Не стоит забывать о том, что в Синодальный период убийства монархов совершилось еще дважды. Во-первых, заговор, в результате которого погиб несчастный Петр III, ну и, конечно, убийство императора Павла I. Это все, конечно, дворцовые заговоры, но от этого-то деяния не перестают быть иными в этическом плане. Нельзя не согласиться с тем, что реакция была как будто бы ничего и не случилось. Ну, был Петр III, стала государыня императрица Екатерина II. Это подготовка общественного мнения к восприятию, что царевубийство — норма, что это возведено в некую обыденность. Поэтому совершенно верно сказано о роли Синодального периода, об этом очень серьезно надо говорить, потому что вопросы являются малоизученными. Спасибо.

П. Б. Уваров:

– Понимаете, когда мы говорим об этических аспектах казни, мне интересно вспомнить французскую традицию царевубийства. Якобинцы и Робеспьер прямо говорили о невозможности и бесполезности суда над монархом. Почему? По одной простой причине: а вдруг он окажется невиновен? Тогда революция оказывается простым бунтом, и противники революции станут героями. В данной ситуации необходимо просто убить, должно быть абсолютно четко акцентированное сакральное убийство. Эта позиция очень напоминает события июля 1918 года. Спасибо.

Протоиерей Игорь Шестаков:

– Я хочу сказать, что в 1903 году Европу потрясла кровавая расправа над династией Обреновичей, когда король Александр и его супруга Драга были зверски убиты группой офицеров-заговорщиков в ходе так называемого Майского переворота. В России эта ситуация не была освещена, никакой нравственной оценки этому дано не было. Но, самое ужасное, молчала Церковь и Сербии, и России. Наверное, это тоже был своего рода определенный симптом, который говорил о том, что общественное сознание людей того времени было уже абсолютно готово к тому, что расправа над монархом, какой бы кровавой и дикой она ни была, абсолютно не нуждается в какой-то оценке с точки зрения права,

с точки зрения законности происходящего. Ну, убили — и убили. Так случилось. Как писал Григорий Орлов Екатерине II, как его убили — мы не помним. Писал о Петре III. Между прочим, они поднимали руку на совершенно законного правителя Российской империи, которого осмеяли и унизили, что не могло не сказаться в будущем.

И. В. Сибиряков:

– Коллеги, мы с отцом Игорем часто пересекаемся на подобного рода мероприятиях, и у нас разные воззрения по многим вопросам, иногда по фундаментальным идеологическим вопросам. Но это не мешает нам вести диалог. И это, может быть, как раз придает интерес дискуссиям. Мне хотелось бы вернуться к двум очень важным сюжетам. Первый — по поводу суда. Я бы был очень осторожен с перспективой любого судебного разбирательства, если оно будет проходить в рамках традиции, которая начала формироваться в России со второй половины XIX века и которая подразумевает наличие прокурора и наличие адвоката, еще и суд присяжных. Потому что даже самые очевидные преступления в таком случае могут оказаться безнаказанными. Примеры мы знаем из того же XIX века, когда у нас революционеров-террористов присяжные в зале заседания оправдывали. Например, Веру Засулич. Если предъявляется обвинение, то у вас должна быть серьезнейшая доказательная база. А по очень многим вопросам в истории ее нет. Потому что и тираны, и убийцы уничтожают доказательную базу. Они старательно чистят архивы, зачищают даже средства массовой информации. И в этом смысле любой суд должен быть хорошо подготовлен, иначе он даст совершенно обратный эффект. Оправдание зла судом, что мы видим на примере дела Веры Засулич, породило совершенно фантастическую ситуацию оправдания общественностью экстремизма и кровопролития, что и сказалось впоследствии уже в XX веке.

Есть еще одна тема для дискуссии. Сегодня несколько раз употреблялось слово «народ». Но давайте начнем с того, что никакого референдума о судьбе Николая Романова не было. А референдум — это пока единственный социологически точный инструмент, позволяющий хотя бы примерно представить себе настроение общества. Все остальное — это проблема интерпретации. Вы прочитали в газете статью, в которой осуждается что-то. Это частное мнение человека, написавшего ее. Сколько человек поддержало, сколько разделяют его точку зрения? Все, кто профессионально занимается историей, знают, что это фантастически сложная проблема. В обществе есть настроение. Господа, а что такое общество? Что выражает это общественное

настроение? 10–15 журналистов? Вот основная масса населения, скажу страшную вещь, абсолютно безразлична. И судьба Николая II, и судьба его детей, и судьба России... Люди жили и живут в другой системе координат. Поэтому, когда мы говорим «народ», я просто очень хорошо представляю ситуацию 1918-го года — народ выживал, народу главное в той ситуации было социальное выживание. И последнее. Мне все-таки представляется, что во всей этой истории, помимо этической, религиозной почвы, есть мощная политическая составляющая. Они были обречены — и дочери, и сын, и жена. Их бы не выпустили из России потому, что любой из них в случае определенного стечения исторических обстоятельств мог стать знаменем, мог стать символом. Это же символический капитал, а человеческое в данном случае отступало на второй, на третий, на четвертый план. Спасибо.

Е. М. Шумская:

– Спасибо тем, кто высказывался по нашему второму вопросу. Это было очень интересное обсуждение. Теперь нас ждет третий вопрос, посвященный образу Николая II в современном медиапространстве. И сейчас я представляю наших ведущих: Екатерина Григорьевна Прилукова, доктор философских наук, профессор ЮУрГУ и Константин Владимирович Путник, руководитель миссионерского отдела Челябинской епархии.

Е. Г. Прилукова:

– Я начну свой разговор небольшой презентацией визуального ряда, посвященного Николаю Романову и его семье. Я взяла эти иллюстрации из современного интернет-пространства. У некоторых есть ссылка на оригинальность, документальность, в других просто некая визуализация, или, как сейчас модно говорить, инсталляция образа, препарирование его, и неважно, насколько это документально. Современные масс-медиа позволяют изменить образ. Электронные масс-медиа технологически способны это сделать. И поэтому что мы на самом деле видим? С одной стороны, у нас сфера очевидного. Но, с другой стороны, это сфера уже заданного очевидного. Поэтому образ Николая II и его семьи становится не только образом трагическим, не только политическим, но и спекулятивным. Особенно когда происходят знаковые события, связанные с той или иной датой. И тогда образ начинает интерпретироваться в любой версии, в любом оттенке, как вы хотите, какое у вас сегодня настроение. И поэтому создается определенная иллюзия, определенный обман. Историю можно переписать. Но, мне кажется, у истории лучше учиться, а не переписывать ее. И нужно обращаться с историей очень аккуратно и бережно.

К. В. Путник:

– В дискуссии не раз говорилось о каких-то правовых аспектах расстрела Царской семьи, преступление это или нет. Друзья мои, это нельзя оценивать в правовом пространстве. Революция вообще находится вне правового поля. Это эксцесс. И революция — это всегда столкновение воли. Воли революционной и воли действующей власти, которую революционеры стремятся свергнуть. Если власть оказывается сильнее, то революции не происходит, это называется мятежом. Сейчас маятник резко качнулся вправо. И поэтому происходит идеализация царя, романтизация царской семьи и так далее. Монархия — чрезвычайно сложное явление, как и личность правящего государя. Его нельзя воспринимать просто как человека, вне политики. Это всегда очень непросто — оценивать деятельность Царя, в любом контексте, начиная от бытового и заканчивая геополитическим. Я хочу, чтобы присутствующие здесь, особенно молодые люди, об этом задумались. Понимаете, нам все время масс-медиа предлагают какие-то мифы. Вот сейчас император Николай II — святой, мученик, его подают в некоем романтическом ореоле. Я вас уверяю, он не был таким человеком. Я призываю к более объективной оценке личности Николая II и его царствования. А объективная оценка предполагает и темные, и светлые стороны, которые нам нужно изучать. Точно так же, как нужно изучать темные и светлые стороны большевизма. Мы далеки еще от решения этих вопросов. Спасибо за внимание.

Д. П. Кузнецов:

– Нам как сотрудникам музея очень часто приходится транслировать образ того или иного человека, той или иной эпохи. И образ Николая II и его семьи получился на выставке «Романовы: 23 ступени в бессмертие...» у Александра Николаевича Лымарева довольно объективно и разносторонне, так как экспозиция основывалась на фактах и документах. И вот, например, взять фильм «Матильда». Как музей показал Николая II и как фильм показал Николая II, как пишут про него в интернете и других популярных источниках. Большая ответственность всегда лежит на людях, которые транслируют информацию, как они показывают личность в истории. Николай II — очень сложная, противоречивая личность. Спасибо.

А. Н. Лымарев:

– Спасибо Денису Павловичу за теплые слова про выставку. Несколько слов о фильме «Матильда». Мне кажется, что этому фильму слишком много внимания уделено из-за скандала. Предъявлять к ху-

дожественному фильму требование, чтобы там отражалось все точно так, как это было в жизни, — это, по-моему, нереально. Никто же сильно не переживает из-за фильма «Авраам Линкольн — охотник на вампиров». Главное, чтобы не было оскорбления религиозных воззрений людей, а художественный вымысел не может не присутствовать. Вот на это я бы обратил внимание. Спасибо большое.

П. Б. Уваров:

– Современный человек воспитан обществом так, что все относительно, у каждого своя правда. Еще я считаю, что не стоит потворствовать современному человеку в том, что ни правды, ни истины нет и все относительно. К фигуре Николая II стоит относиться очень серьезно и ответственно, так как он канонизирован Церковью. Это очень серьезный сакральный жест. Я думаю, что к факту канонизации нельзя относиться легкомысленно.

Е. Г. Прилукова:

– Позвольте подвести итог обсуждению нашего третьего вопроса. За медийными образами, прежде всего, стоят люди, которые их создают, которые их транслируют, интерпретируют и так далее. Я, может быть, скажу банально, но я призываю думать, прежде чем что-то делать и прежде чем выносить оценочные суждения. Медийное пространство нам предоставляет чаще всего зрелище. И важно, чтобы за простым восприятием этого зрелища стояли еще и размышления. Спасибо.

А. Н. Лымарев:

– Уважаемые коллеги, я благодарю вас всех, во-первых, за посещение выставки «Романовы: 23 ступени в бессмертие...», во-вторых, за диалог, который у нас здесь состоялся. Дискуссии по выставочным проектам музея, особенно если они касаются ключевых моментов истории России, очень полезны и нужны. Большое спасибо всем участникам за такую плодотворную работу.